

Афиша Париж - Европа

Веб-журнал "Европейская Афиша" №3 18/03/2012 www.afficha.info

Новое – хорошо забытое старое?

Екатерина Богопольская

«Дядя Ваня», новый чеховский спектакль Алена Франсона в театре Nanterre-Amandiers.

Ален Франсон последние годы ставит в основном только Чехова. После «Чайки», «Иванова», «Лебединой песни», «Платонова», «Трех сестер» и «Вишневого сада» (дважды), наконец, дошла очередь и до «Дяди Вани» (перевод Андре Марковича и Франсуазы Морван).

Франсон пришел к Чехову довольно поздно, и, казалось, ничто не предрасполагало режиссера, известного постановками радикальной современной драматургии, к этой драматургии полутонув, которая виделась ему тогда пресной, скучной. Пока Франсон не открыл для себя Чехова-новеллиста, заразился, и решил перечитать пьесы. Но тогда, в середине 90-х годов, увлеченный жестоким театром Эдварда Бонда, он предлагал и Чехова читать через Бонда: «Чайка», переложенная для сцены по его просьбе английским драматургом, была сыграна тем же актерским составом, который был занят в триптихе «Пьес войны». Что позволило критике назвать эту «Чайку» четвертой пьесой бондовского цикла. Однако все последующие чеховские постановки Франсона возвращаются в прокрустово ложе традиции, вплоть до экстремы, до опыта «Вишневого сада» 2009 года, воссоздающего по режиссерским экземплярам Станиславского, в малейших деталях, внешний рисунок спектакля Художественного театра. И, как ни странно, именно этот традиционный Чехов пришелся во Франции сегодня ко двору в гораздо большей степени, чем спектакли режиссеров, пытавшихся ярко экспериментировать на чеховском материале.

Photo Michel Corbou

Акт I. Дядя Ваня – Жиль Прива, Елена – Мари Вьяль и Астров – Эрик Карузо.

Новый «Дядя Ваня» тоже спектакль традиционный. Критика уже приняла его на «ура», даже если время от времени доносятся сетования, что актерский ансамбль слабее тех, к которым нас приучили другие чеховские спектакли Франсона.

Время действия – чеховское, начало прошлого века. На сцене - накрытый стол, чай, самовар. Гитара Телегина. Качели барского дома: в точности воспроизводится ремарка Чехова. Задник - писанное трехстворчатое панно, изображающее поляну в лесу. Поют птицы, доносится звон стенных часов - все, как в первых спектаклях Художественного театра. Как давно уже не ставят. Второе действие в полутьме, на фоне огромного окна барской усадьбы, за которым угадываются черные силуэты деревьев, слышна гроза. Третье действие происходит в той же гостиной, только теперь стены оклеены обоями с веселенькими цветочками, а за окном осенний сад, почти в формате 3D. Четвертое действие, как и положено, происходит в кабинете-конторе дяди Вани (детали предлагаю дорисовать в соответствии с чеховской ремаркой).

Дядя Ваня Жилия Прива стар. Почти одного возраста с профессором Серебряковым, оттого акценты все смещены - нет пронзительного чувства уходящей, не там, не так прожитой жизни, тогда как на самом деле жизнь еще не кончилась. Здесь - выпавший из времени старомодный и сентиментальный Ваня, очень не молодой, отживший. Его ухаживания за Еленой Андреевной тоже только смешны и нелепы, к его отчаянной влюбленности ни в коем разе нельзя относиться серьезно.

Photo Michel Corbou

« Дядя Ваня ». Акт II

Елена Мари Вьяль молода и хороша собой, но тоже как неживая. Ходит в основном в закрытых доверху строгих туалетах, и больше похожа на Машу из «Чайки», чем на «русалку», которая одним своим присутствием переворачивает вверх дном жизнь дяди Вани и доктора. Астровым эта Елена увлечена всерьез, и оттого бежит, пока полностью не закрутил омут страсти. Астров Эрика Карузо - самый здесь живой, самой обаятельный персонаж. Самая занимательная сцена спектакля, выпадающая из шаблона, - между ним и Еленой Андреевной, когда он показывает ей карту уезда. Медленно раскручивая на полу огромную картограмму, он укрепляет ее, чтобы не сворачивалась, снятыми туфлями, сначала своими, потом и Елены. Так незримо создается партитура внутреннего соучастия, после которой вопрос о Соне, любит ли он Соню, кажется формальным.

Соня Барбары Тобола, кстати, занятная. Ничего от забитой провинциальной девочки, скорее личность сильная, эта Соня не по возрасту серьезна, значительна. Елену не любит, интуитивным знанием чувствуя в ней соперницу, и просит о вмешательстве лишь в минуту крайнего отчаяния. И не то, чтобы не красива, скорее не стильна, как сказали бы сегодня. Между ней и Астровым стоит здесь не ее якобы женская несоблазнительность, а какое-то фатальное несовпадение судеб, как фатальное несовпадение между мечтаниями и реальностью свойственно всем персонажам «Дяди Ваня».

Среди других персонажей - Катрин Ферран, сочно вписавшейся в роль «русской няни, из крестьянок» (но за рамки этого амплуа ни на шаг), шаблонным профессором Серебряковым Андре Маркона и не менее шаблонной Марией

Васильевной Лоранс Монтандон, как то особенно выделяется Телегин Жана-Пьера Го. Персонаж, которого зачастую и вовсе вычеркивают из распределения, здесь становится по-своему значимым. Франсон называет эту драматургическую особенность чеховской драматургии, очень ему близкую, по которой никакого оценочного суждения автор о своих героях не выносит, все голоса равны, нет ни правых, ни виноватых, ни добрых, ни злых, «демократическим хоралом».

Photo Michel Corbou

«Дядя Ваня». Акт IV

На этом «Дяде Ване» неожиданно много смеются, временами кажется - настоящая комедия. Режиссер признается, что следовал концепции Антуана Витеза, который говорил когда-то, работая над переводом «Иванова», «это что угодно, кроме меланхолии. Для меня это театр веселый и энергичный». Хотя по жанру спектакль Франсона скорее стремится к элегии, подобно фортепьянным прелюдам Мари-Жанн Серено, соединяющим между собой три акта. Перед четвертым, напротив, звучит какая-то бравурная мелодия.

Финал вообще выбивается из всего строя спектакля, мне кажется, только финал в полной мере и удался Алену Франсону.

Была достоверность дома, в котором не было уюта, души. И вот в этой финальной сцене в приглушенных переливах гитары Телегина, в причитаниях няни, в милом голосе Сони, с нежностью успокаивающего Ваню, вдруг возникало щемящее чувство дома, уюта, душевного тепла. Очень чеховская грусть, смешанная с бог знает откуда берущейся радостью. Да, жизнь не состоялась, прошла, но надо принимать ее такой, как она дана. Возвращение к работе Сони и дяди Ваня в финале, считает Франсон, это не бегство от действительности, а приятие жизни, но уже без иллюзий.

«Музыка сердец» - назвала свою статью обозреватель «Figaro» Армель Эльо: «Плачем и смеемся. Внимательно вслушиваемся, зачарованные, в этих персонажей, таких одновременно и близких, и вечно новых».

«Бесконечно дорогой наш Чехов», - восклицает, с несвойственной ей сентиментальностью, Брижит Салино, обозреватель «Le Monde», заканчивая рецензию на «Дядю Ваню». Получается, чем меньше режиссер вторгается в пространство пьесы, тем лучше, главное бережно донести музыку чеховских слов и настроений. Что подделаешь, когда речь идет о Чехове, французы теряют присущую галльскому духу иронию и рассудочность: любовь, она и есть любовь.